

Аида
Дж. Верди

15. 962
Москва
театр "Геликон"

Московский государственный театр "Геликон-опера" Дж. Верди. "Аида"

7 марта в театре "Геликон" состоялась премьера оперы Дж. Верди "Аида".

Постановщик — Д. Бертман, музыкальный руководитель и дирижер — К. Тихонов, художники — И. Нежный/и Т. Тулубьева, хормейстер — Т. Громова, балетмейстер — А. Тагильцев, Аида — Н. Загоринская, Амнерис — Е. Мельникова, Радамес — В. Залпечный.

"Аида" — четвертая "большая" опера, поставленная в "Геликоне": в репертуар театра уже вошли "Кармен", "Пиковая дама" и "Травиата". Художественный руководитель театра, режиссер Дмитрий Бертман считает, что если на сцене каждый вечер будут идти малоизвестные камерные оперы, с которых и начинал свою деятельность театр ("Мавра" Стравинского, "Блудный сын" Дебюсси, "Туда и обратно" Хиндемита, "Маддалена" Прокофьева...), то зритель рано или поздно перестанет ходить на эти спектакли. Поэтому в афишу необходимо включать популярные классические произведения, "прочитанные по новому и призванные удивлять публику". Последнее особенно уместно "Геликону".

Прежде всего — сам факт постановки монументальной оперы Верди на маленькой сцене Дома Шаховской (б. Дом медика), в помещении которого работает театр (зал — 300 мест; параметры сцены: высота — 4,8 м, длина — 15 м, глубина — 4 м). На этой сцене размещаются 80 оркестрантов (яма отсутствует), 45 артистов хора, солисты, в массовых картинах к ним присоединяются 15 участников детского танцевального ансамбля, 5 артистов балета, изображающие жрицу и жрецов, свиту фараона, воинов, египетский народ, рабов, пленных эфиопов...

Исходя из условий сценической коробки, режиссер как бы оправдывает идею всей оперы под "камерность" — в программе, в частности, написано: "Традиция превратила "Аиду" в монументально-декоративное шоу-парад звезд с грандиозными декорациями и массовыми сценами". Только при этом не учитывается то, что Верди именно так задумал и написал эту оперу. Из-за сильно ограниченного пространства спектакль в результате получился почти концертным костюмированным исполнением — движением на заполненной сцене сильно затруднено. Но выход тем не менее найден.

Во многом этому способствовал завышенный постановщиками новый взгляд на идею оперы: "Древний Египет — это обобщенный образ тоталитаризма, в

котором, как и во все времена, людьми правят вечные человеческие чувства и страсти, не зависящие от форм государственной власти... Мы постарались сосредоточить внимание на заложенном в музыке конфликте человека и недоушевленного механизма государства". Под эту идею "любви в тоталитарной стране" и выстроены весь спектакль. На руках оркестрантов — черные пояски с неким символом — всевидящим оком (у дирижера пояска отсутствует). Хористы в черных эссесовских пинелях, ботинках на толстой подошве, беретках с орлами и шлемах со зверями печатают шаг; дети маршируют с приветственными нацистскими жестами; на полотноцах демонстрируются кадры кинохроники последней Отечественной войны... Посреди сцены находится огромная маска Сфинкса, олицетворяющая жизнь и смерть: ее половина — с разорванной глазницей.

Символом рабства является и ошейник с поводком — в нем впервые выходит на сцену Аида, за него ее водят Амнерис и Радамес. В финале же в ошейнике ходит уже Амнерис и ищет, кому его отдать: то есть она готова стать рабыней, только бы избавиться от одиночества. Правда, в этом проскальзывает несколько "школьное" понимание рабства — ведь Аида, по либретто, подруга Амнерис (ее положение примерно такое же, как Князя Игоря у хана

Кончака), а вовсе не та рабыня, которая строила пирамиды и которую необходимо водить на веревке. В спектакле всего понемногу: есть и эротический танец жрицы, и игрушечные солдатики (так изображена битва между египтянами и эфиопами), и романтическая страдающая, как Татьяна в "Евгении Онегине", Аида, и героически переживающий Радамес...

Что касается художественного решения, то в заданных рамках оно выполнено и даже перевыполнено. Господствует черно-золотой колорит, из него "выбивается" только Аида в белом одеянии. Остальные герои, хористы представляют собой "общую массу". Противоречие между постановкой и собственно оперой заключается в том, что сценические образы постоянны, а в музыке они развиваются. Аида, Радамес, Рамфис — всегда одинаковые, камерно-плакательные.

Солисты, привыкшие работать в камерных спектаклях, не в состоянии "озвучить" монументальные драматические партии оперы. Слушая их, создается ощущение, что до конца они просто не допоют. Исполнение партии Аиды может пагубно отразиться на Н. Загоринской. Но в спектакле принимали участие и настоящие оперные певцы: Ю. Нечаев, приглашенный из Большого театра, и М. Зимненко из театра Станиславского. Контраст просто разителен, и не в пользу "геликоновцев". Может, следова-

ло бы пригласить опытных певцов и на остальные партии? Или вовсе исключить возможность участия "не своих"? Оркестр под управлением К. Тихонова выполняет свою функцию, но о тонкостях говорить не приходится.

Возникает вопрос: если театр ставит "большую оперу" в камерном варианте, по каким законам судить о спектакле? В этом "Геликон" уязвим со всех сторон. "Аида" в данном случае несколько напоминает слона в посудной лавке.

Театр пытается заявить свою эстетику, но она должна исходить прежде всего из музыкальных возможностей, а не из популярного репертуара. Правда, когда во главе оперного театра находится постановщик, театр неминуемо превращается из музыкального в режиссерский: "Ради чистого звучания, ради красивых декораций сейчас в оперном театре работать не стоит. Многие этого еще не поняли. И если в некоторых оперных залах пусто, то как раз от непонимания сложившихся в оперном искусстве реалий: удивить голосом нельзя, удивить декорацией невозможно. Но можно — неординарным режиссерским решением. Индивидуальностью! Чтобы зритель хотелось прийти именно в "Геликон", потому что таких спектаклей он больше нигде не увидит", — говорит Д. Бертман. В этом случае возникает усредненная музыкальность, приводящая к самодеятельности. Сценическая трактовка не должна превалять над музыкальным содержанием. А пока получилась декларация некоей идеи, которая сама по себе не помогает раскрытию музыкального богатства оперы Верди.

Тем не менее, "Геликон" нынче стал одним из трех репертуарных оперных театров Москвы. Ему удалось создать приятную камерную атмосферу: при входе публику встречают элгантные молодые люди в "бабочках", в фойе могут принести бокал шампанского (10.000 рублей). Большое внимание уделяется оформлению "сопствующих товаров": выпущена школадка, чашка с символикой "Аиды" (60.000), оригинальная программа в виде раскладывающейся египетской пирамиды... Подкупают также самоотверженность артистов театра, их полная самоотдача — за этот счет и живет "Аида". Но могут ли эти люди исполнить оперу по-настоящему?

Светлана МАРУСИНА